

Камера беспристрастно фиксировала происходящее. Там, где участники шоу не могли этого видеть, чат трансляции безостановочно взрывался комментариями.

— О боже, милый, ты вообще ни в чём не виноват! Ты тогда был совсем крохой, с какой стати все шишки летят на тебя?!

— Как только Чу Цинюнь вернулся в семью Чжоу, Чичи сразу ушёл из дома и дебютировал. Умные люди всё понимают. А этот воришка всё не унимается, припёрся на то же шоу. Хорошо, что Чжоу Лицзинь и остальные наконец поняли, кто действительно заслуживает любви. Сердце кровью обливается, когда думаю, как тяжело Чичи пришлось пробиваться в таком юном возрасте.

— Вышеотписавшиеся, вы в позавчерашнем дне застряли? Какой ещё вор? В этой истории уже давно всё перевернулось с ног на голову, советую извиниться перед Чу Цинюнем.

— Результатов экспертизы ещё нет, так что для меня он вор, вор и ещё раз вор!

— Ой, Чичи прямо ангелочек. Чу Цинюнь к нему так по-хамски относится, а он его ещё и оправдывает. Да не считает он тебя братом, очнись, солнце!

— Ладно этот кудряш вечно язвит в адрес Шао Жаня, но почему он фыркает, когда говорит Чичи? Бесит невероятно, хуже него только сам Чу Цинюнь!

— Ну ясно, стоит появиться Чжоу Чи, как весь общий чат забивают эти Сестрицы-Пруды. Я ливаю.

— Хейтеры Чжоу Чи, хорош притворяться нейтралами. Только у людей с полным отсутствием вкуса кумиром может быть Чу Цинюнь!

— Фандом Шао Жаня благодарит нашего топ-айдола за поддержку! Нашему мальчику так не везёт, вечно ему в пару достаётся всякое отребье.

— Я вчера смотрел его стрим, ничего там серьёзного не случилось. Небось специально не пришёл. Какая безответственность!

— Ха-ха-ха, кто-нибудь заглядывал на личную трансляцию Чу Цинюня? Вот это поворот, мгновенная карма!

Прямой эфир шоу «Пик актёрского мастерства» разделялся на три потока: общий режиссёрский канал, трансляции из отдельных комнат и персональные стримы каждого

участника. Любители дешёвой драмы и зрители, вчера купившиеся на сногшибательную внешность Чу Цинюня, загодя оккупировали его личный канал. На их глазах Чу Цинюнь замер у дверей столовой, выслушав чужой разговор от начала до конца.

Сейчас у него не было под рукой телефона, и чата он не видел, но без труда догадывался: после разглагольствований Чжоу Чи о том, как его «тянут назад», зрители вовсю брызжут ядом в его адрес.

Какая прелестная белая лилия, какой великодушный святоша, платящий добром за зло. Этот фальшивый молодой господин, которому в байках Системы отводилась роль главного злодея, и впрямь оказался крепким орешком.

Скрестив руки на груди, он прислонился к косяку и насмешливо приподнял бровь, глядя прямо в объектив:

— Как думаешь, стоит войти?

Зрители по ту сторону экрана увидели, как этот завораживающий взгляд обратился прямо на них.

— Господи, какой же он красивый! Спасибо стилистам, что сегодня не приложили к нему свои кривые руки!

— Чу Цинюнь с этим хвостиком просто нереален. Если он оставит эту причёску навсегда, я официально запишусь в его фан-клуб.

— Ха-ха-ха, входить или нет? Если он войдёт, все извинения Чжоу Чи пойдут прахом!

— Извиняться за других... Чжоу Чи реально строит из себя мать Терезу, ору.

— Немного подбешивает. Шао Жань же ясно сказал, что Чу Цинюнь сильно разбился, а этот всё равно ноет про несправедливость. Чжоу Чи явно не в себе.

— Ну понятно, на личном канале Чу Цинюня сидят одни хейтеры Чичи. Гниль притягивает гниль.

— Сестрицы-Пруды ведь кричали, чтобы их кумира не смели трогать, а сами припёрлись сюда шпионить, да?

— Лучше не надо, у меня сейчас разовьётся испанский стыд.

Оператор, хоть и не мог отвечать, про себя отметил, что сцена выходит забавной. Режиссёр не ошибся: стоило Чу Цинюню убрать чёлку, как он превратился в ходячий магнит для неприятностей.

Впрочем, Чу Цинюнь и не ждал ответа. Он опустил голову и тихо, едва заметно усмехнулся:

— Если я зайду прямо сейчас, мой дорогой братец сгорит со стыда, верно?

Но едва несколько сотен зрителей в чате решили, что он уйдёт, как Чу Цинюнь выпрямился и решительно, без малейших колебаний толкнул дверь.

Его облик и сама манера держать себя изменились настолько кардинально, что те, кто следил исключительно за эфиром шоу, онемели от изумления.

В столовой повисла мёртвая тишина. Все присутствующие разом уставились на вошедшего — кто с восхищением, кто с ужасом, а кто с выражением «я так и знал». Чу Цинюню не составило труда определить, кто втайне поддерживает связь с внешним миром, а кто остаётся в неведении.

Самым наивным среди них оказался его чистосердечный, сияющий «младший братец». Чжоу Чи подскочил на месте, и его и без того огромные, вечно влажные глаза округлились ещё сильнее. Казалось, он даже в мыслях не допускал возможности возвращения соперника.

Похоже, Чжао И сейчас было слишком не до этого, раз он до сих пор не предупредил своего подопечного об официальном опровержении.

— Твои слова не очень-то похожи на извинения, — ледяной тон Чу Цинюня разрезал тишину.

Под прицелом ошеломлённых взглядов он неторопливо подошёл к Чжоу Чи, крепко сжал его плечо и с холодной, многозначительной улыбкой добавил:

— Скорее на попытку заочно признать меня виновным.

Он тут же разжал пальцы и невозмутимо опустился на стул, который только что занимал Чжоу Чи. Заметив, что Шао Жань застыл с полуоткрытым ртом, Чу Цинюнь протянул руку и аккуратно приподнял его подбородок, а затем вежливо, хотя и отстранённо кивнул в знак приветствия, возвращая беседу в привычное русло.

— Прошу прощения, что заставил ждать.

— Да... ничего страшного, — Шао Жань так и не смог выдавить привычную дежурную улыбку. Он во все глаза разглядывал собеседника, пытаясь поверить в происходящее. — Ты действительно... Чу Цинюнь?

— Да. А что, не похож?

— Нет... Всё в порядке.

Чжоу Чи по-прежнему стоял на месте как вкопанный.

Хватка Чу Цинюня не была чрезмерно сильной, но Чжоу Чи показалось, будто его плечо пронзило тупое онемение, из-за чего рука на мгновение повисла плетью. Окружающие видели лишь внешние перемены: новую причёску и внезапно обретенную уверенность. Но Чжоу Чи слишком хорошо знал этого человека.

Перед ним был всё тот же Чу Цинюнь — жалкий приёмыш из заурядной семейки, у которого за душой не было ни гроша, но который упрямо задирал нос. Тот самый высокомерный ублюдок, вызывавший у него глухое раздражение с первой секунды знакомства.

Но как он умудрился вернуться? Что произошло за стенами павильона?

— Брат... — выдавил Чжоу Чи.

Вспомнив об объективах камер, он натянул на лицо вымученную улыбку и, обойдя стол, присел на соседнее сиденье. Вглядываясь в лицо Чу Цинюня с плохо скрываемым подозрением, он тихо произнёс:

— Я совсем не то имел в виду... Просто решил, что ты сегодня уже не вернёшься.

Чу Цинюнь лениво взглянул на него. Не успел он открыть рот, как кто-то осторожно задел его ногу под столом. Он поднял глаза и перехватил предостерегающий взгляд Шао Жаня, который едва заметно качал головой. Чу Цинюнь мысленно хмыкнул. Вчера он бегло просмотрел записи эфиров за последнюю неделю: Переселенец в книгу общался с Шао Жанем исключительно по сценарию, так с чего бы этому парню проявлять такую заботу?

К сожалению, проявлять благоразумие Чу Цинюнь не собирался. На его губах заиграла откровенно ядовитая усмешка:

— Моё возвращение тебя вообще не касается. Мы разве настолько близки, чтобы обсуждать это?

— Кха-кха-кха!

Кто-то за соседним столом поперхнулся едой и оглушительно закашлялся.

Чжоу Чи застыл, его лицо мгновенно залила пунцовая краска. На этом проекте каждый заглядывал ему в рот, заискивая и пытаясь угодить, и с подобным публичным унижением он столкнулся впервые в жизни. Кое-как сохранив на лице маску кроткого достоинства, он тихо пробормотал «извините» и поспешно поднялся, стремясь как можно скорее скрыться с глаз.

Заметив его расстройство, несколько участников одарили Чу Цинюня гневными взглядами и бросились следом за своим любимцем, наперебой предлагая утешение.

Тем временем в комментариях разверзся настоящий ад — чат полыхал с того самого мгновения, как Чу Цинюнь открыл рот.

— У Чу вообще напрочь отсутствует эмоциональный интеллект! Я уж подумала, раз он так преобразился, то и вести себя станет нормально, а он остался всё тем же несносным типом!

— Как же бесит! Совершенно не ценит доброго отношения! У Чичи нет телефона под рукой, откуда ему было знать, когда этот явится?!

— Вам самим не надоело с первого дня ныть про его «невоспитанность»? Кто первый начал язвить, тот и виноват. Если Чжоу Чи видит, что его не переносят на дух, зачем он постоянно лезет к человеку? Чтобы вызвать жалость у зрителей?

— Чичи — суперзвезда, на кой чёрт ему пиариться за счёт какого-то ноунейма? Хейтеры, хватит переворачивать всё с ног на голову! Вы из-за смазливой мордашки готовы последние мозги растерять!

— Боже, нашему мальчику сейчас так больно... Девочки, давайте просто проигнорируем это ничтожество!

— Да у Чу просто нищая, закомплексованная душонка. Он видит, насколько Чичи успешнее и популярнее, вот его и душит зависть. Чичи идёт ему навстречу только ради спокойствия родителей, а этот неблагодарный кусок дерьма воротит нос!

— Вообще-то Чу Цинюнь сейчас ведёт себя куда приличнее. Раньше он Чжоу Чи просто игнорировал, а сейчас хотя бы удостоил ответом.

— Одна я до сих пор залипаю на его внешность? Господи, даже когда он язвит, он выглядит чертовски соблазнительно. Обожаю стервозных красавцев!

Поскольку на общем канале столовой было слишком много недоброжелателей, преданные поклонники поспешили уйти на персональный стрим Чжоу Чи. Здесь, среди единомышленников, они наконец смогли выдохнуть. Камера следовала за их кумиром до самого поворота коридора. Оказавшись в уединении, Чжоу Чи сбросил фальшивую улыбку, бессильно прислонился к стене и смахнул набежавшую слезу, подставив объективу безупречно фотогеничный профиль.

— Я знаю, что он никогда меня не любил... — прерывистым шёпотом произнёс он. — Но сегодня, когда он заговорил со мной, мне на миг показалось, что мы сможем наладить отношения...

— Ты ни в чём не виноват, это Чу Цинюнь перешёл все границы!

— Брат Чи, пожалуйста, не принимай близко к сердцу...

Выслушивая сочувственные вздохи коллег, Чжоу Чи лишь мужественно качал головой, едва сдерживая дрожь в руках. Внутри него бушевала ярость. Ему до смерти нужно было выяснить, как этот паршивец, чья репутация в сети была растоптана в пух и прах, сумел преспокойно вернуться на проект, да ещё и в совершенно ином облике. Неужели он так быстро оправился? Или... всё это время просто притворялся?

Липкий страх перед неизвестностью вперемешку со злостью сводили с ума. Кое-как удерживая на лице скорбное выражение, Чжоу Чи позволил увести себя в общежитие, мастерски отыгрывая роль глубоко раненного, но сильного духом человека.

Пока армия фанатов захлёбывалась слезами жалости, виновник этой драмы даже не думал раскаиваться. Словно и не заметив, какую бурю он только что вызвал, Чу Цинюнь неторопливо обошёл прилавки с едой и среди обилия выпечки и сэндвичей выбрал лишь стакан соевого молока.

В своих гастрономических привычках он остался верен себе. Один из парней, опоздавший примкнуть к свите утешителей Чжоу Чи, не выдержал:

— Чу Цинюнь, тебе не кажется, что это уже слишком?

Стоило первому подать голос, как к нему тут же присоединились несколько девушек из окружения Чжоу Чи:

— Вот именно! Он же искренне хотел как лучше!

— Пусть он твой брат, но в этой индустрии он твой старший коллега. Вести себя так — верх невоспитанности!

— Твоё отсутствие и без того сорвало репетиции Шао Жаню и остальным. Чжоу Чи пытался сгладить твой косяк, а ты на него набросился!

Разумеется, в столовой нашлись и те, кто предпочёл молча уткнуться в свои тарелки. На протяжении первой недели подобные сцены, когда толпа защитников пыталась вразумить Чу Цинюня ради Чжоу Чи, разыгрывались регулярно. Обычно Чу Цинюнь просто молча выслушивал их с каменным лицом, пропуская обвинения мимо ушей. Те, кто держался в стороне, справедливо рассудили, что инициатива наказуема, и не спешили лезть на рожон.

В этот момент кудрявый парень, который раньше никогда не упускал шанса съязвить, коротко хмыкнул:

— Вы будто первый день его знаете. Он всегда был таким несносным. Скажите спасибо, что он вас вообще заметил, а не прошёл мимо.

Зачинщик спора вспыхнул от негодования:

— Это не даёт ему права так хамить!

— Вообще-то, я выражаюсь так исключительно ради твоего блага, — мягко перебил его Чу Цинюнь.

Нападки коллег не задели его. Он действительно повёл себя куда вежливее, чем обычно: обернулся и одарил обвинителя обманчиво мягкой улыбкой, в глубине которой сквозила откровенная насмешка. Несколько выбившихся прядей слегка качнулись у его виска. Черты его лица казались настолько безупречными, словно их высек гениальный скульптор.

Собеседник на секунду потерял дар речи, заворожённый этой красотой, и лишь спустя мгновение растерянно спросил:

— Ради моего блага? Какое отношение я к этому имею?

— Вот именно, — парировал Чу Цинюнь. — Так какое отношение к тебе имеет моя манера общения?

В его голосе не было ни капли злости, а в словах — ни одного бранного слова, но этот спокойный тон бил наповал, не оставляя возможности оправдаться. Лицо парня полыхнуло густым румянцем, в точности как у Чжоу Чи мгновением ранее. Он лишь беспомощно хватал ртом воздух, силясь выдавить хоть что-то членораздельное, после чего уязвлённо развернулся и выбежал из столовой.

Кудряш не сдержался и громко прыснул от смеха, проигнорировав отчаянные знаки своего соседа.

Остальные критики наконец осознали: Чу Цинюнь больше не был той безответной мишенью, за счёт которой они могли безнаказанно разыгрывать из себя благодетелей. Они поспешно отвели глаза, уставившись в свои тарелки, чтобы не навлечь на себя его внимание.

<http://bllate.org/book/20480/2108961>